

Глава 17

Стоило тюремщику провести Лэнса за ворота Пентонвиля, как их тут же окружила плотная толпа попрошайек.

— Сэр, окажите милость, да благословит вас Господь!

— Пять пенни, господин! Всего пять пенни! Я не ел уже два дня!

— Добрый господин, мой муж тяжело болен, умоляю, дайте немного на лекарства...

Надзиратель, казалось, лишь поощрял этот гвалт. Он даже вставил слово за заключённых:

— Лэнс, помоги этим бедолагам. У них ведь семьи, их нужно кормить.

Все эти нищие были узниками Пентонвиля. Попрошайничество служило для них основным источником дохода и, по совместительству, важной статьёй прибыли самой тюрьмы. Деньги, выманенные у посетителей, по большей части уходили на взятки конвоирам в обмен на крупички свободы — возможность выйти в город на заработки, чтобы хоть немного сократить долг.

Словно желая пробудить в прохожих остатки сострадания, в первых рядах здесь теснились старики, женщины и дети. У некоторых сорванцов щёки ввалились так глубоко, что лица походило на черепа, а костлявые руки казались ломкими тростинками. Одетые в лохмотья неопределённого цвета, они босыми ногами топтали липкую жижу из грязи и нечистот, дрожа на пронизывающем ветру.

В углу, сжавшись в комок, сидел старик. Его кожа напоминала сморщенную, высушенную на солнце апельсиновую корку. Почти ослепнув, он лишь беспомощно помахивал миской, ориентируясь на звуки шагов, и хрипло шептал:

— Денег... дайте хоть немного денег...

Внезапно в рукав Лэнса вцепилась чёрная, худая, как куриная лапа, рука. Простоволосая женщина, чьё лицо было скрыто за слоем грязи и сажи, вперила в него неподвижный взгляд. Её голос, охрипший от бесконечных стенаний, звучал безжизненно:

— Денег... Прошу вас, дайте денег... Мужу нужно лечение...

Все они ждали от юноши только одного.

В прошлой жизни Лэнса, в Китае, нищенство давно превратилось в прибыльный бизнес, где «профессиональные попрошайки» строили себе особняки на чужом милосердии. В глазах многих его соотечественников нищий давно стал синонимом обманщика. Но здесь, глядя в эти глаза, ни один человек не усомнился бы в подлинности их горя.

Эти люди были подданными царства отчаяния. А прямо под их ногами, в глубоких подземельях, где томились бесчисленные еретики, были сокрыты святые реликвии, наделённые высшей силой и способные обращать тьму в свет.

Это была их судьба.

Даже если он отдаст им всё до последнего пенни, что это изменит? Они лишь ненадолго отсрочат неизбежное, продолжая в муках угасать в беспросветной нищете.

Мама снова вздохнула на ухо Лэнсу. Она была человеком редкой доброты и наверняка не могла спокойно смотреть на подобные страдания.

«Бедные, какие они несчастные, — прозвучал в его голове тихий голос. — Уцзю, помоги им, умоляю»

Лэнс мягко улыбнулся и послушно ответил:

— Хорошо, мама.

Он вытащил кошелёк и, не считая, достал пачку банкнот, раздавая каждому по купюре.

— Целый шиллинг! — вскрикнули дети.

Для них это было целое состояние, ведь порой за весь день им не удавалось выпросить и пары пенни.

Лицо женщины мгновенно преобразилось, наполнившись жизнью. Она принялась исступлённо кланяться:

— Благодарю вас, господин! Вы истинный джентльмен! Да хранит вас Господь!

Старик, хоть и не видел номинала, по восторженным крикам понял, что ему досталось нечто ценное. Из его глаз потекли мутные слёзы, и он, захлёбываясь словами признательности, не замечал, как с губ его капает слюна.

Однако несколько крепких мужчин, обделённых милостью юноши, тут же окружили его с

недовольным видом:

— Сэр, нам тоже нужны деньги.

Лэнс сохранил на лице вежливую, почти заученную улыбку:

— Тогда найдите себе работу на заводе.

Он бесцеремонно оттолкнул их и кивнул надзирателю:

— Веди.

Мужчины обменялись красноречивыми взглядами. Они видели, что в бумажнике осталось ещё немало средств, и в их глазах заплясали недобрые огоньки. Заметив это, Лэнс как бы невзначай протянул тюремщику пять шиллингов:

— Надеюсь на вашу опеку во время моего пребывания здесь.

Глаза надзирателя заблестели от жадности. Он мгновенно спрятал купюры в карман и, преобравшись, с яростью замахнулся дубинкой на столпившихся бездельников:

— А ну пошли прочь! С глаз моих долой, отребье! Нечего тут ошиваться!

Громили нехотя отступили. Гай же обернулся к Лэнсу, и от его недавней свирепости не осталось и следа. С подобострастной улыбкой он подхватил багаж и услужливо указал путь:

— Позвольте, я понесу ваш чемодан. Прошу за мной.

Подобная метаморфоза показалась юноше весьма забавной. Он даже подумал, что такому персонажу определённо найдётся место на страницах его будущего романа.

Миновав ворота, Лэнс наконец оказался внутри знаменитого Пентонвиля. Взглянув на планировку, он ощутил странное чувство дежавю, словно вернулся в Китай и отправился на экскурсию по крепостям-тулоу народности хакка.

Тюрьма была спроектирована по классической круговой системе — «Паноптикону». Это многоэтажное здание состояло из одинаковых камер-ячеек, расположенных по периметру кольца. С тулоу у него было не стопроцентное сходство, но на пятьдесят или шестьдесят процентов они всё же были похожи.

Главным отличием было то, что в самом центре двора возвышалась огромная наблюдательная

вышка. Окна камер выходили прямо на неё, что позволяло стражникам круглосуточно следить за каждым шагом узников.

Впрочем, здесь было довольно светло и чисто — никакой гнетущей атмосферы подземелий, которую рисовало воображение.

Гай, словно портье в дорогом отеле, расплылся в улыбке:

— Какую камеру прикажете подготовить? У нас богатый выбор.

Верхние этажи манили хорошим видом, но отсутствие лифтов и перспектива бегать по лестницам в случае опасности Лэнса не прельщали.

— Я выберу первый этаж, — он указал на одиночную ячейку поблизости от входа.

Самое опасное место часто оказывается самым безопасным. Здесь всегда на виду, среди людей, наёмному убийце будет непросто подобраться незамеченным. А если враги решатся на безумство и подожгут тюрьму, он сможет выскочить на улицу первым.

— Прекрасный выбор, — надзиратель занёс чемодан в комнату. — Если что-нибудь понадобится, зовите меня, Гая. Я к вашим услугам.

Его рвение было столь велико, что со стороны его легко можно было принять за личного слугу юноши.

Лэнс остался один и принялся изучать своё новое пристанище. Камера была крошечной: узкий прямоугольник четыре метра в высоту и два в ширину — едва развернуться. Из мебели здесь были только стол и кровать, на досках которой была навалена грязная солома, источающая резкий кислый запах.

Благодаря двум окнам — одному, выходящему на вышку, и второму, во внешней стене — в помещении было светло и свежо, но о приватности не могло быть и речи. Из-за близости к земле в углах скопилась сырость, и камень покрылся слоем сизого мха. Впрочем, всё свободное пространство уже было исписано проклятиями, оставленными прежними жильцами.

— Мне нужны новые одеяла, подушка и стейк на ужин, — Лэнс остановил собиравшегося уходить Гая и вручил ему ещё три шиллинга.

Тюремщик просиял так, что обнажились все его неровные зубы:

— Будет исполнено в лучшем виде!

Стоило Гаю скрыться, как в комнате проявился Джек. Он с брезгливым видом оглядел спартанскую обстановку.

— Ну и дыра. Ты серьёзно собираешься здесь писать?

Лэнс весело устроился на краю стола:

— Зато здесь тихо, не находишь?

И это была правда. Стены камер строили на совесть — толстый камень отлично поглощал звуки, чтобы заключённые не могли перешёптываться и замышлять побег.

— И, что самое главное, здесь нет «полицейских-часовщиков», — добавил юноша с явным раздражением.

Он искренне не понимал эту странную привычку жителей Империи Лайт — платить полиции за то, чтобы те среди ночи орали под окнами время. Как они вообще ухитрились спать в таком шуме? Теперь же его ждал покой.

Да, надзиратели жадны, и на них уйдёт немалая сумма, но Лэнс рассматривал это как обычную плату за аренду. Он помнил из газет, что в трущобах даже за полуразрушенную лачугу просят шиллинг и шесть пенни в неделю. Приличная же комната обошлась бы в три шиллинга еженедельно, а в месяц выходило не меньше двенадцати. Если сравнить, то жизнь в тюрьме выходила даже выгоднее.

Пусть комната мала, но места для сна и творчества достаточно. Здесь нет коллекторов, нет назойливых ищеек Инквизиции, и, главное, он защищён от преследователей. Наконец-то он сможет сосредоточиться. Он решил дописать рукопись «Мести Джека», а параллельно — составить план исследования загадочных подземелий с еретиками.

Саймон уже добрых десять минут колотил в дверь дома Лэнса, но ответа не было. Неужели тот ушёл?

Узнав о визите Майрона к графине Кэмпбелл, издатель тут же поспешил сюда, надеясь убедить мистера Кавендиша не проявлять излишнего упрямства. Если юноша так дорожит землёй матери, можно было бы сторговаться с Майроном. В конце концов, уважая графиню, тот не стал бы доводить дело до крайности.

Но заявить, что не отдашь ни пенни, и требовать тюрьмы? Это было за гранью понимания. Обычные люди за решёткой превращались в тени самих себя, а ведь Лэнс и без того был слаб здоровьем. Сын аристократа просто не мог выжить среди того сброда, что населяет камеры.

Они же его заживо съедят!

— Вы ищете мистера Кавендиша? — раздался за его спиной хриплый женский голос.

Издатель обернулся и замер. Перед ним стояла женщина с копной ярко-рыжих волос, которые на мгновение показались ему всполохами живого огня. Он моргнул, и наваждение исчезло. Конечно, это была лишь игра света — волосы не могут гореть на самом деле.

Саймон узнал её. Несколько дней назад она заложила платок, чтобы оплатить проезд. Странно, неужели тогда её шевелюра была настолько огненной?

— Вы знаете Лэнса Кавендиша? — с сомнением спросил мужчина.

Тина поправила прядь волос и странно усмехнулась:

— Он однажды мне помог. Сейчас он в Пентонвиле, можете поискать его там.

Саймон похолодел. Не тратя времени на лишние вопросы, он коротко поблагодарил женщину и бросился к своей карете. Тина проводила экипаж долгим взглядом.

— А вы все действительно неплохие люди, — прошептала она.

И как ей теперь прикажете убивать такого очаровательного ребёнка? Он оказался на редкость умён, раз выбрал своим убежищем тюрьму. Неужели он что-то почувствовал?

Смышлёный мальчик. Что ж, удачи тебе.

Ведьма улыбнулась и направилась к соседнему дому. С каждым её шагом по земле расплзлось невидимое тепло, а рыжие пряди начали извиваться, подобно разъярённым змеям. Сейчас она казалась ожившим воплощением мифической Медузы Горгоны.

Мистер Джонс в ужасе вжался в стену. От бывшего напускного спокойствия мужчины не осталось и следа.

— Это мы помогли тебе обрести силу! — взвизгнул он, срываясь на истерику. — Ты предаёшь нас! Неблагодарная девка! Организация тебя не отпустит!

Тина лишь безмолвно повела рукой. Из воздуха соткалась огненная змея, которая безжалостно обвила тело мистера Джонса. Под нечеловеческие крики и тяжёлый запах палёной плоти ведьма тихо пробормотала:

— Моё пламя всегда служило лишь защите справедливости.

Ибо человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх.

<http://bllate.org/book/15857/1435680>